

RUGRAM

ЕВГЕНИЙ ТОРЧИНОВ

ПУТИ ВОСТОКА И ЗАПАДА

Познание запредельного



ПАЛЬМИРА
RUGRAM

УДК 291.1
ББК 86.2
Т61

Торчинов Е.

Т61 Пути Востока и Запада : Познание запредельного / Евгений Торчинов. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2021. — 463 с. — (Серия «Пальмира — Торчинов»).

Книга «Пути Востока и Запада» посвящена исследованиям трансперсонального опыта как основы феномена религии. В ней внимание сосредоточено на изучении онтологического статуса сознания, на метафизике и эпистемологии трансперсонального опыта. Рассматриваются китайская и индийская интеллектуальные традиции, психология и философия измененных состояний сознания, их нейрофизиология, проблемы взаимодействия культур, европоцентризма и ориентализма.

**УДК 291.1
ББК 86.2**

ISBN 978-5-517-03577-6

© Торчинов Е. А., наследники, 2021
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	7
Судьбы западной философии на рубеже III тысячелетия	7
Примечания	43
Раздел первый. ПУТИ ВОСТОКА	45
Часть I. КИТАЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ	47
Глава 1. ДУХ, МАТЕРИЯ И ЖИЗНЕННАЯ СИЛА	47
Историческое предуведомление	47
Период формативный и классический	47
Эпоха Хань (206 до н.э. — 220 н.э.) и ханьский синтез	50
Эпоха Сун (960—1279) и неоконфуцианство	51
Основные характеристики китайского интеллектуального паттерна	52
Энергизм и витализм (категория ци)	57
О магии, струнах и вселенской симпатии	60
Космогония, или Как возникла Вселенная	69
Глава 2. МИР ЧЕЛОВЕКА — МИР ИСТОРИИ	73
Представления о времени. Космологический контекст	73
Теория Небесного Мандата (тянь мин)	75
Династийный цикл и тело династии	77
Официальное историописание в имперском Китае.	
Династийные истории	79
История как регресс. Историософская концепция Шао Юна	81
Глава 3. ВЕЩЬ И ВЕЩНОСТЬ В КИТАЙСКОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ	85
Глава 4. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БЕССМЕРТИЕ В УНИВЕРСУМЕ КИТАЙСКОЙ МЫСЛИ	96
Глава 5. УНИВЕРСУМ САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ И УПОРЯДОЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВА — КОНФУЦИАНСКАЯ ТРАДИЦИЯ	134
Глава 6. ЕСТЕСТВЕННОСТЬ И НЕДЕЯНИЕ: ОТКРОВЕНИЯ ДЕТСКОГО СЕРДЦА (ДАОССКАЯ ТРАДИЦИЯ)	158
Что такое даосизм? Опыт построения новой модели	158
Даосские мыслительные практики («философия»)	172
Примечания	195
Часть II. ИНДИЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ТРАДИЦИЯ. САМОПОЗНАНИЕ И ОСВОБОЖДЕНИЕ	211
Глава 1. ИНДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ: ИСТОРИЯ, ШКОЛЫ, ПОДХОДЫ (КАРТИНА МИРА — КАРТИНА ДУШИ)	211
Теория структурного полиморфизма	219
Индийская философская система как проект	225
«Ортодоксальные» (астика) школы	229
«Неортодоксальные» (настика) школы	235
Глава 2. БУДДИЙСКАЯ ФИЛОСОФИЯ	237
Общая характеристика	237
Мадхьямака (шуньявада)	252
Нагарджуна и Шанкара (один аспект сопоставления)	259
Философия мадхьямаки: нигилизм, абсолютизм, релятивизм, антиметафизика или «магический холизм»?	263
Йогачара (виджнянавада)	270

Теория Татхагатагарбхи	284
Глава 3. ПРОБЛЕМА СОЛИПСИЗМА	294
Примечания	299
Часть III. ТРАДИЦИОННЫЕ КИТАЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О МИРЕ И БУДДИЗМ (К ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КУЛЬТУР)	305
Глава 1. БУДДИЙСКАЯ КОСМОЛОГИЯ И ТРАДИЦИОННАЯ КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА	310
Примечания	338
Раздел второй. РАСКРЫТИЕ СОЗНАНИЯ. ИЗМЕНЕННЫЕ СОСТОЯНИЯ СОЗНАНИЯ: ПСИХОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ	341
Часть I. МЕТАФИЗИКА И ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА	343
Глава 1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ СООБРАЖЕНИЯ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ	343
Глава 2. ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ, ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТ-ОБЪЕКТНОГО ДУАЛИЗМА И НЕДВОЙСТВЕННОСТЬ	347
Глава 3. К ПРОБЛЕМЕ ЭПИСТЕМОЛОГИЧЕСКОЙ И МЕТАФИЗИ- ЧЕСКОЙ РЕЛЕВАНТНОСТИ ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА	363
Глава 4. ЕДИНСТВО ТРАНСПЕРСОНАЛЬНОГО ОПЫТА И МНОГООБРАЗИЕ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ ЕГО ОПИСАНИЯ	369
Примечания	376
Часть II. ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ: НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	381
Глава 1. МОЗГ И ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ	381
Постановка проблемы	381
Краткий обзор традиционных европейских представлений о связи души и мозга	383
Современная метафора мозга — компьютер	391
Отфильтрованная реальность	395
Импринтирование. Энграммы. Программы мозга	399
<i>Импринтинг</i>	399
<i>Энграмма</i>	401
<i>Программирование мозга</i>	403
Активность мозга во время глубоких религиозных переживаний	412
Глава 2. ВОЗДЕЙСТВИЕ НА МОЗГ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ТРАНСПЕРСОНАЛЬНЫЕ СОСТОЯНИЯ	415
Связь религиозных переживаний с воздействием на мозг	415
Психodelики	417
Импринтинг и ритуал	418
Переимпринтирование и «архаические техники экстаза»	423
Йога и мозг	428
Перепрограммирование, трансформация тела и теургия	429
Глава 3. ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ	432
Примечания	438
Заключение. ЛИЧНОСТЬ И СВОБОДА В ВОСТОЧНЫХ ТРАДИЦИЯХ (К КРИТИКЕ ЕВРОПОЦЕНТРИЗМА И ОРИЕНТАЛИЗМА)	447
Примечания	463

Введение

СУДЬБЫ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ НА РУБЕЖЕ III ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

Несмотря на то что настоящая книга содержит значительный востоковедный материал, предназначается она не востоковедам — им этот материал знаком, — а философам (что, конечно, не исключает возможности чтения ее востоковедом, равно как и любым иным специалистом), и именно проблемами современной философии и определяются цели и задачи моей работы. В 1994 г. я написал книгу «Религии мира: Опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника)» (опубликована в 1997 г., далее выдержала ряд переизданий), в которой рассматривал трансперсональный опыт (обычно называемый «мистическим») как основу феномена религии. Интерес к проблеме измененных состояний сознания привел меня к размышлениям об онтологическом статусе сознания и эпистемологической ценности трансперсонального опыта. С другой стороны, именно религии Востока (Индии и Китая) дают нам основной материал для изучения как самого трансперсонального опыта, так и ведущих к его обретению практик. Кроме того, для меня остается несомненным, что усвоение (или, точнее, освоение) западными мыслителями неевропейских интеллектуальных традиций является одним из важнейших путей возвращения философии того царственного статуса, которым она обладала триста—четырееста лет тому назад и который стремительно утрачивала в течение последних двухсот лет. Другим путем, ведущим к той же цели, по моему

скромному мнению, является исследование сознания в метафизической перспективе, включая в качестве очень важной составляющей и анализ измененных состояний, прежде всего трансперсонального характера. Сказанное обуславливает структуру книги: вслед за введением помещена часть, посвященная специфике неевропейских (китайской и индийской) философий, а заключает работу раздел, посвященный философским аспектам исследования измененных состояний сознания. Но начнем с философии, ибо именно она и история последних столетий ее вдохновляли меня при написании этого сочинения.

На заре нового века и нового тысячелетия, как ни банально это звучит, трудно отказаться от искушения повернуть голову назад и обозреть пути философии за последние столетия и итоги этого пути, итоги, быть может, даже не тысячелетия, а двух тысячелетий, то есть всей той если и не завершившейся, то завершающейся эпохи, которую обычно называют христианской цивилизацией. Вот философия стоит на распутье между классическим умозрением и постмодернистской деконструкцией. Но постмодерн определяет себя сугубо негативно. Это именно постмодерн, то есть нечто определяющее себя не «в себе и из себя», но лишь относительно «модерна». Но оставим пока деконструкцию модерна в покое и посмотрим на сам модерн.

Как все начиналось! Какие обещания и какие мечты! Пиршество мысли, парение духа! XVII век, эпоха цветущей сложности европейской культуры, если употребить выражение Константина Леонтьева. И вместе с тем эпоха начавшегося болезненного процесса кризиса и разложения христианской цивилизации, длительное время воспринимавшегося как процесс секуляризации и эмансипации. Эпоха Возрождения жила еще во вполне традиционном мире: тождество микрокосма и макрокосма, единый божественный универсум, человек как мера всех вещей — все эти темы, хотя и в иной аранжировке, были хорошо знакомы и Средневековью, и античности. Поэтому Джордано Бруно вполне традиционен, а Галилей — нет. Джордано Бруно верит в мудрость Гермеса Трисмегиста и египетских жрецов, его бесчисленные и безграничные миры — лишь выражение Бога, который, как писал за сто лет до Ноланца кардинал и член Папской курии Николай Кузанский, есть круг, центр которо-

го — везде, а окружность — нигде. При желании в этой метафоре можно, конечно, увидеть корни *more geomethriscio* XVII в., хотя на самом деле это лишь следствие старинной пифагорейской и неоплатонической традиции онтологизации математики и математических образов. Этот Бог-круг действительно лишь метафора, а *more geomethriscio* — отнюдь нет. Галилей произносит сакраментальную фразу, возражая оппоненту, сомневающемуся в эллиптическом характере движения планет (ведь только круг суть образ небесного совершенства!): «Меня не интересует, какие формы движения совершенны, а какие — нет». И это уже голос новоевропейской науки.

Новоевропейская философия рождалась от многих родителей. Это, конечно, средневековая схоластика, и споры между реалистами и номиналистами еще долго продолжали звучать в спорах рационалистов и эмпириков. Далее, нельзя не назвать весьма странный для современного человека тандем магии и того, что в XIX в. называли позитивной наукой. Действительно, оккультизм и наука вместе выступали против средневекового мировоззрения, и большинство ученых до поры до времени не имело ничего против алхимии или астрологии. Расхождение магического и сциентистского началось и оформилось все в том же XVII в., хотя не только Кеплер по старинке продолжал составлять гороскопы, веруя к тому же в пифагорейское Число и основанную на нем вселенскую гармонию, но и сам отец новоевропейской науки сэр Исаак Ньютон не брезговал практиковать алхимию и писать комментарии к Апокалипсису. Тем не менее разрыв состоялся, и философия его восприняла: последний маг-философ Джордано Бруно сгорел на площади Цветов в Риме в последнем году XVI в., после чего философия отвернулась от магии и обратилась к математике, которая поистине стала третьим родителем новоевропейского любомудрия, суля ему чудеса аксиоматичности, доказательности и самоочевидной точности¹.

Чаяния и обетования были так велики! Лишь касаясь устами сказочного пирога метафизики XVII в., сразу же оказываешься очарованным его ароматом, и из глаз начинают литься сладкие слезы восторга, быстро превращающиеся, однако, в горькие рыдания разочарования, рыдания, окрашенные тем не менее сладостью несбывшихся мечтаний.

Все подвластно физике и механике, математика выражает естественный свет разума, все мыслимые отношения соответствуют реальным, из правильного мышления можно вывести правильное знание о реальности. Вот-вот мы получим о Боге и вечности такое же точное знание, как о любом феномене: все подвластно разуму и сам Бог — источник этого разума. Это знание будет вполне доказательным, да здравствует *more geometrical*! О Боге, мире и душе — языком и методом аксиом, теорем и лемм! Форма «Этики» Спинозы лишь отразила всеобщее убеждение: другие философы так не писали, но думали точно так же. При этом самое удивительное — это то, что сам Спиноза был уверен, что он *действительно* мыслит и доказывает геометрически: исторически обусловленная форма мысли была принята за сущность мысли. Мы можем быть весьма скептически относительно геометрического способа доказательства Спинозы и вместе с тем чтить то видение мира, которое Спиноза стремился обосновать своими теоремами (это вполне чувствовал уже Шеллинг), но для самого Спинозы одно было неотделимо от другого. После Лейбница стало почти казаться, что все тайны мироздания раскрыты и что мы поистине живем в лучшем из всех возможных миров. Вольтер как-то нехорошо шутил по этому поводу и даже написал «Кандида», но философы не обратили на это особого внимания.

Вместе с тем просто зубоскалить по поводу чаяния эпохи цветущей сложности было бы и неумно и жестоко. Это были прекрасные мечтания! И может быть только горько от того, что они так и остались мечтаниями. Мы смотрим на портреты Декарта, Спинозы и Лейбница и думаем: какие умы, какие масштабы, какое интеллектуальное бесстрашие! И все это, увы, вотще!

С другой стороны, XVII век делал великие заявки, которые могли бы быть реализованы (и тогда, возможно, пути европейской культуры стали бы несколько иными), но реализованы тем не менее не были. Речь идет о замечательном китайско-европейском диалоге, начатом учеными-иезуитами, продолженном Лейбницем и завершенном Вольтером. Начало диалога было чревато всеми возможностями, середина обнадёживала, конец оказался весьма скромным.